

or Postmodern? // *Universal Abandon? The Politics of Postmodernism* / Ed. A. Ross. Minneapolis, 1988. P. 31–45. О деконструкции Альтюссера см. также: *Hirst P. Marxism and Historical Writing*. L., 1985.

¹⁹ Ср.: *Friedlöhner S. Reflections of Nazism: An Essay on Kitsch and Death*. N. Y., 1986; а также классическое противопоставление Вальтером Бенджамином политизации эстетики и эстетизации политики.

²⁰ Это – бремя структур Чарльза Майера в противовес постструктуралистской истории: *Maier Ch. The Unmasterable Past: History, Holocaust, and German National Identity*. Cambridge, Mass., 1988. P. 168.

²¹ *Certeau M. de. Heterologies: Discourse on the Other*. Minneapolis, 1986. P. 200–203.

²² *Peukert D. The Genesis of the Final solution from the spirit of science* // *Reevaluating the Third Reich* / Ed. T. Childers, J. Caplan. N. Y.; а также: *Baumann Z. Modernity and the Holocaust*. Ithaca, 1989. Понятие «патологическая современность» перечеркивает часть поля, охарактеризованного более старым термином «культурный песимизм». Дискуссия о «рационализирующей» интерпретации американского рабовладения, инициированная Робертом Фомджелом, также имеет отношение к делу.

²³ Как предложил Роберт Геллэтли в своей последней работе по операциям гестапо см.: *Gellately R. The Gestapo and German Society: Political Denunciation in the Gestapo Case Files* // *Journal of Modern History*. 1988. Nr. 60. P. 654–694; и более подробно: *Idem. The Gestapo and German Society: Enforcing Racial Policy, 1935–1945*. N. Y., 1990.

К. Шарль

Создавать и распространять идеи: секреты университетского признания*

(Перевод с фр. В. А. Бабинцева)

Каким образом интеллектуалы добиваются признания себе подобных и публичной известности? От времен парижских кружков XIX в. до нынешней институциональной и медийной сети условия производства и распространения идей усложнились.

* Перевод и публикация по изд.: *L'histoire aujourd'hui*. P., 1999. P. 21–30. Шарль К. – профессор современной истории университета Париж-1. Опубликовал, в частности: *La République des universitaires (1870–1940)*. P., 1994 и *Paris fin de siècle, culture et politique*. P., 1998.

С XIX в. создание и распространение идей претерпело глубокие изменения. После ряда реформ университетского образования произошла диверсификация вырабатывающих идеи центров. Параллельно шло умножение специализированных изданий и усложнение каналов распространения. Добиться признания себе подобных и широкой общественности – вот суть стратегии, которая дает своим победителей и своих проигравших.

Центры образования

Первая половина XIX в. характеризовалась господством академиков, профессоров, ученых или эрудитов, преподававших или работавших в крупных парижских учреждениях («Коллеж де Франс», Музей естественной истории, Политехническая школа, «Эколь нормаль», Национальная библиотека, Школа хартий, Школа восточных языков, факультеты). Несколько сот человек – почти все на государственной службе – держали в своих руках возможности производства, преподавания и распространения идей в большинстве областей знания. Интеллектуальная концентрация финансируемых государством научных центров обеспечила в начале XIX в. благоприятные условия интеллектуального превосходства французов в европейском масштабе, тем более что английские университеты как раз пребывали в дремотном состоянии, немецкие же переживали пик кризиса. Но в ней же таились зачатки окостенения.

После 1850 г. Германия и Англия мало-помалу опережают Францию в наиболее перспективных областях, таких как философия, науки о природе и фундаментальных дисциплинах, например, античная филология. Осознание застоя пришло к французам в период Второй империи благодаря ученым и интеллектуалам, посетившим английские или германские университеты или установившим контакты с зарубежными научными обществами и журналами. Именно поэтому в 1860–1870-е гг. лучшие умы (Пастер, Тэн, Ренан, Лависс, Моно...) живо критиковали централизованную модель, которая вела к интеллектуальной стагнации. Ученые-реформаторы подчеркивали прогрессирующий упадок француз-

ской науки, в то время как Германия превращалась в главный полюс научных и университетских новаций, а после 1871 в преобладающую политическую силу Европы¹. С их точки зрения, избыточность наполеоновского централизма привела к господству касты мандаринов, отвергавших конкуренцию и нововведения.

В конце Второй империи и особенно в период Третьей республики осуществляются реформы, в известной степени подсказанные тем, что принято называть немецкой университетской моделью. Реформы были направлены против вредоносных проявлений французского академизма – отсутствия состязания между провинциальными и парижскими факультетами и тотального господства последних в интеллектуальной жизни Франции. Парижских интеллектуалов не беспокоило оправдание своих привилегий. Многие злоупотребляли положением, совмещая должности и давая место другим только на исходе карьеры. Такого рода господство деморализовывало провинциалов. Они не помышляли ни о чем, кроме устройства в Париже. Те, кому это не удавалось, пытались найти себе применение вне университета: салонные или публичные лекции для гуманитариев и естественников, поиски частной клиентуры и политических или муниципальных общественных функций для юристов и медиков, переход на административные должности для всех².

Первая, датирующаяся периодом Второй империи институциональная новация, – это создание в 1868 г. Практической школы высших исследований. Вдохновленная моделью немецких семинаров и исследовательских институтов, она знаменовала разрыв с университетской риторикой, но закрепляла удушающую централизацию, будучи на руку исключительно парижским ученым. Прошлое ждатель 1880–1890-х гг., когда Третья республика оживила научные центры по всей Франции: факультеты, провинциальные университетские лаборатории и библиотеки были перестроены при поддержке местной общественности, получили новые средства и дополнительные вакансии, что обновило как парижские, так и провинциальные кадры. Однако в сфере создания идей германская прививка не была доведена до конца. Сохранялось наследие

старой университетской модели – педагогическая практика лекционных курсов, не сопровождающихся семинарскими занятиями. И Париж, сохранивший свою роль издательской, газетной и журнальной столицы, оставался центром нововведений во всех за редкими исключениями областях. Достаточно перечислить крупных интеллектуалов той эпохи: все они в большинстве парижане – от Клода Бернара до Пьера и Мари Кюри, включая Луи Пастера, Жана Мартена Шарко, Анри Пуанкаре, Эмиля Дюркгейма, Анри Бергсона, Эрнеста Лависса, Ипполита Тэна или Эрнеста Ренана.

Не подменяя привычный риторический курс научным семинаром, реформа высшего образования разделила надвое организацию учебного процесса. Семинар как форма познания, обмена мнениями или дискуссии был предназначен студенческой элите, аудитория же отдавалась новичкам, массе начинающих студентов, численность которых не перестает увеличиваться с 1880-х гг. до сегодняшнего дня. В семинаре «по-немецки» выдвижение идей остается уделом немногих в форме сократического диалога с профессором или совместной работы в составе исследовательской группы. Общий курс – это не более чем место, где базовые знания закрепляются, повторяются и даже популяризируются для широкой аудитории. Чем дальше в XX век, тем глубже разрыв между центрами создания и средствами распространения знаний, что, впрочем, не остается без внимания в университетах, исследовательских учреждениях и сферах общей культуры. Форма конгресса или коллоквиума, которая получила распространение в то время, первоначально была не более чем семинаром между учеными и исследователями из разных университетов или стран. Так, парижские университетские выставки 1889 и 1900 гг. стали основой десятка научных конгрессов. После 1910 г. эта университетская модель была воплощена неуниверситетскими производителями идей в Понтиньйских декадах, где вплоть до Второй мировой войны встречались философы, ученые, эссеисты, переводчики и университетские филологи. С тех пор развитие форм интеллектуального обмена шло по экспоненте – от полусалонных публичных собраний до закрытых лож эзотерических ученых.

Научные журналы

Наряду с дифференциацией форм высшего образования и передачи новых идей произошла дифференциация периодических изданий, фиксирующих новинки во всех дисциплинах. Увеличение числа научных и полунанучных журналов во второй половине XIX в. стало ответом на закрытость толстых журналов общей культуры («Revue des deux mondes», «Revue de Paris», «Nouvelle Revue») для сугубо университетских дисциплин или сугубо специальных трактатов. Увеличение числа дисциплин вследствие разрастания университетов потребовало создания специфических средств коммуникации, связывающих членов научных обществ, разбросанных по Франции, Европе и даже Америке. В самом деле, ни ежедневные газеты, поглощенные в ту эпоху политикой, ни толстые журналы, посвященные общим идеям, не могли играть эту роль. Старые академические периодические издания уже не обеспечивали достаточного объема страниц, чтобы вобрать в себя быстрорастущее производство специальных статей по всем дисциплинам. С другой стороны, научный журнал позволяет ввести в круг читателей не только парижских специалистов, которые в начале века составляли основной отряд исследователей в любой области и могли обретаться в рядах академий или специализированных ассоциаций, расположенных в столице. Таким образом, появление научной периодики способствовало децентрализации и конкуренции в национальном и международном масштабе второй половины XIX в.

Хронология создания научных журналов ясно показывает совпадение двух процессов: два десятилетия (1880–1890 и 1890–1900) – период университетских реформ и время наивысшего расцвета специализированных ассоциаций и журналов. Кроме того, это была фаза зарождения в специфической форме филологических дисциплин и социальных наук. Именно в этот период появляются строго научные журналы по медицине и праву. Например, что касается права, то в период Второй империи за корпоративными и практическими журналами следуют журналы теоретические; и только после 1880 г. создаются издания, отражающие различные области юридической науки: «Journal de droit maritime»

(1884), «*Annales du droit commercial*» (1886), «*Revue g n rale de droit international public*» (1894), «*Revue d' conomie politique*» (1887), вдохновляемый молодыми правоведами различных идеологических горизонтов, стремится отмежеваться от распространявших либеральную полит кономию более старых популярных журналов наподобие «*Journal des  conomistes*».

В филологических науках такое же постепенное размежевание выражается в основании новых органов наподобие «*Revue critique d'histoire et de literature*» (1866), который поставил перед собой задачу рецензировать как можно большее количество исторических и филологических публикаций. Университари, стоявшие у его истоков, совместили тем самым сугубо университетское влияние с интеллектуальным влиянием в своей дисциплине, позволяя или не позволяя молодым поколениям получить доступ к широкому признанию себе подобных. Между тем первооснователи журналов, особенно по филологии, истории, философии или социальным наукам, оказывались скорее в положении аутсайдеров по отношению к преуспевающим университетариям будучи недоверчивыми к науке, слишком закрытой для широкой публики. Так, «*Revue historique*» (1876) основали отнюдь не сорбоннские профессора истории Эрнест Лависс и Альфред Рембо, а Габри ль Моно и Густав Фанье, первый – руководитель группы по изучению всяческих новаций в «четвертой секции» Высшей школы практических исследований, другой – представитель Национальной школы хартий, иначе говоря, выходцы из периферийных по отношению к классическому университету учреждений³. В конечном счете, на исходе XIX в. в этих журналах был заложен новый университет, получивший доступ к университетской власти позднее, когда уйдет старое поколение, испытывающее недоверие к слишком германской эрудиции. «*Revue de m taphysique et de morale*» (1893), вдохновленный Ксавье Леоном, «*Ann e psychologique*» (1894), основанный А. Бонни и Альфредом Бине, и «*Ann e sociologique*» (1896), основанный Эмилем Дюркгеймом, имели одинаковые стремления. Утверждая новые интеллектуальные тенденции, эти журналы мало-помалу укрепили внешнюю легитимность своих основателей. «Самозванные» посредники обеспечили себя клиен-

телой новых авторов и читателей, чтобы обойти приверженцев старой ортодоксии.

Отделение научных центров от средств трансляции новаций повлекло параллельную социальную дифференциацию создателей идей и постепенное разделение двух институциональных систем.

Соперничество интеллектуальных групп

Предложенная Томасом Куном классическая схема научных революций позволяет понять процессы соперничества и конфликтов между создателями идей. Даже оспариваемая сегодня, она может по крайней мере играть роль путеводаителя, какова бы ни была рассматриваемая дисциплина или культурная сфера. То, что Т. Кун называет «нормальной наукой», иначе говоря, бесконечное расширение исследований на основе старой парадигмы чаще всего исходит от учреждений, исследователей или университетариев, наилучшим образом приспособившихся к рутинизированным социальным запросам. Не то чтобы они были абсолютно непродуктивны, ибо инновации, исходящие от авангарда, должны быть переварены и усвоены всем интеллектуальным сообществом, а затем, через средства образования или коммуникации, проходя разного рода фильтры, и обществом в целом. Так, авторские коллективы, стоявшие у истоков крупных научных трудов или больших исторических синтезов, опубликованных в конце XIX в. и в межвоенный период, исходили в основном от факультетов, и их имена не сохранились в анналах научных новаций.

Однако чтобы процесс инновации не заглох в следующем поколении, нужно, чтобы с момента утверждения такой нормальной науки или новой парадигмы в той или иной области другие группы во имя улучшения и обновления начинали отход от нее или пытались ее оспорить. История идейных течений и научных направлений зачастую писалась с точки зрения победителей в споре, которым живут ученые. С некоторых пор история наук, напротив, пытается вернуть соперников (счастливых и неудачливых) к интеллектуальной схватке определенной эпохи, чтобы тем самым понять их цели и установки. Равным образом история универси-

тариев или интеллектуалов стремится определить культурные, социальные (и даже политические) истоки антагонизмов между группами, которые оспаривают гегемонию и самой борьбой содействуют развитию, но, иногда, и параличу производства идей.

Биография Жана Перрена, опубликованная Мишлин Шарпантье-Мориз, дает пример злоупотреблений интеллектуальным влиянием, способных задержать обновление⁴. В сущности, Ж. Перрен – полный парадокс. Этот человек, который в молодости внес в теорию атомов вклад, позволивший Франции идти в ногу с новейшими достижениями физики, в межвоенный период стал авторитарным мандарином, который во имя ошибочной теории блокировал новые химические теории иностранного происхождения, не будучи ни в коей мере специалистом в этой области. Неугомимый борец за интересы науки, он меньше чем за 20 лет добился введения современных независимых учреждений в устаревшей университетской системе. В то же время его диктаторское поведение, когда средства распределялись прежде всего среди приближенных и учеников, напоминало злоупотребления ученых XIX в. Воплощение меритократии и республиканского элитаризма, искусный политик, возглавлявший государственное ведомство по научным исследованиям в правительстве Народного фронта, Ж. Перрен тем не менее проглядел новые связи между наукой и индустрией. Централизованная и этатистская французская университетская система во многом облегчала задачу мандаринов, извративших нормы интеллектуального соперничества и неправомерно утвердивших ортодоксию, основанную на кооптации и власти стариков. Университет «по-французски», несмотря на реформы Третьей республики и последующих режимов, во всей полноте познал фазы стагнации. Аутсайдеры, пытавшиеся создавать новое или работать за рамками господствующих направлений, создавая неинституционализированное исследовательское пространство, не имели иных возможностей, кроме работы в периферийных институтах. Множество самых новаторских умов нашего века вынуждены были использовать обходную стратегию против господствующих интеллектуальных групп и закрытых интеллектуальных учреждений. То, что не так сложно в неуниверситетских областях (например, в ли-

тературе), обходится намного дороже там, где необходим определенный минимум оборудования и средств. Относительно легко быть философом вне стен университета. Зато более рискованно быть физиком или химиком без лаборатории. Отсюда иной раз стремление делать карьеру за рубежом, чтобы избежать власти национальных мандаринов.

Таким образом, по мере институционализации мест создания, передачи и распространения идей соперничество между группами интеллектуалов все более и более превращалось в борьбу за власть и легитимность – единственные средства доступа в учреждения, без которых выдвижение идей остается кладбищем утопий. Этот феномен объясняет возникновение с конца XIX в. власти тех, кого я называю «двойными людьми»⁵, выступающими одновременно в качестве редакторов изданий, критических журналов и обладателей университетской власти.

Власть «двойных людей»

В интеллектуальной ассоциации с преобладающим влиянием частных лиц (салоны, академии), где интеллектуал мог заявить о себе непосредственно, «двойные люди», занятые простым наблюдением за наукой, оставались маргиналами. По мере того как средства распространения идей (журналы, газеты, образовательные учреждения) становятся более публичными, более близкими к практике, обладая и символическим, и материально-вещественным капиталом, по мере того как возрастает количество претендентов на роль автора или исследователя, власть «двойных людей» расширяется и диверсифицируется. Интеллектуалу же приходится все больше соотноситься с требованиями публики. Следствием этого с конца XIX в. стало отчуждение, проистекающее от умножения инстанций, которое предполагали плотные сети «двойных людей» в культурной сфере. Всякий автор или всякий ученый в силу этого должен был преодолевать множество препятствий, обусловленных уже не только требованиями публики, которые всегда можно было отвергнуть, объявить нелепыми или некомпетентными, но требованиями себе подобных. Иначе говоря,

он был вынужден подчиняться требованиям старейших, снискавших положение, признание и обеспечивающих доступ к признанию. Даже одиноким и обогнавшим время пророкам тоже приходилось добиваться признания сделавшихся держателями символического наследия собственных учеников, которых они продвигали, продвигаясь сами. Хулить их было все равно, что хулить самих себя. Отвергать их – значило бы отказаться от будущего и тайного упования всякой творческой личности на жизнь *post mortem*. Тем самым соперничество идеологических течений и позиций превратилось в конкуренцию между группами, вооруженность которых зависела от степени доступа к институтам, обеспечивающим образование (а значит, воспроизводство), распространение (а значит, известность и доступ к широкой публике) и коммуникацию (а значит, доступ в интеллектуальное пространство как таковое). Но все три позиции контролируются различными типами «двойных людей», обладателями университетской власти, редакторами журналов, руководителями научных ассоциаций, организаторами коллоквиумов, журналистами и популяризаторами науки, директорами издательств. Либо союз с ними, либо, если это невозможно по причине разрушительного воздействия на отстаиваемые идеи, без них, создавая свои собственные сети и накапливая символический капитал (а иногда материальный – в форме собственной издательской структуры). То, что сегодня принято называть школой «Анналов», первоначально было ответом двух провинциальных преподавателей (Марка Блока и Люсьена Февра), основателей журнала, оттиравшихся от парижских учреждений консерватизмом «сорбоннаров», затем, во втором поколении (поколении Фернана Броделя), успешной попыткой создать новый парижский образовательный центр, альтернативный факультетам, – 4-ю секцию Практической школы высших исследований, создание было обеспечено международным престижем журнала «Анналы». К этому добавились серии научных трудов, коллективные исследования, международные коллоквиумы и когорты учеников, привлеченных возможностями, которые открывали новые интеллектуальные пространства задолго до медийной эксплуатации новой истории третьим поколением (поколением Франсуа Фюре).

Равным образом, согласно подобной схеме, можно объяснить длительный успех дюркгеймианской социологии аккумуляцией необходимых ресурсов для распространения новой гуманитарной науки. Он был обусловлен прежде всего завоеванием университетских постов Дюркгеймом и его учениками и интеллектуальным влиянием (в национальном и международном масштабе), обретенным журналом «*Année sociologique*». Кроме того, он строился на базе институционализации социологии в рамках университета (в качестве обязательного элемента философского образования) и педагогических «*Эколь нормаль*» (где преподавались «социологические понятия, имеющие прикладное морально-педагогическое значение»). Другие, более старые или связанные с более высокими слоями общества социологические направления наподобие школы Ле Пле, допустили ошибку небрежения некоторыми из этих ключевых позиций (в частности, высшим образованием) и постепенно утратили интеллектуальную легитимность, которой обладали, пока Ле Пле занимал высокие административные должности⁶.

С тех пор процесс дифференциации и конкуренции между группами, научными направлениями, идейными течениями, центрами распространения и образования только ускорялся и усложнялся. Существуют дополнительные фильтровочные уровни, более разветвленные и плотные сети влияния и легитимации. Замедление распространения в рамках сообщества подобных, а также в смежных дисциплинах или в широкой публике становится более долгим. К тому же новации, исходящие из сугубо интеллектуального пространства, страдают от узких мест, возникающих между учреждениями, дисциплинами и государствами. Так, даже столь признанная фигура, как Бродель, дошла до широкой публики только в конце 70-х гг., при том что международно признанным историком он стал с начала 60-х гг. Впрочем, некоторые из его тезисов сегодня подвергаются сомнению историками экономики, тогда как экономисты по-прежнему широко вдохновляются ими.

Такие явления лишь усложняют историческую социологию производства идей: мнимые цели становятся не столь реальными, по мере того как входные барьеры между отдельными интеллек-

туальными мирами становится труднее преодолеть. Историк или социолог, желающие понять функционирование замкнутых дисциплин наподобие вырвавшейся вперед математики или теоретической физики, должны одновременно владеть знаниями и приемами собственной дисциплины, а также всегда более мудреными знаниями и приемами другой дисциплины или культурной сферы, к которой они подступают.

¹ См. об этом классическую работу: *Digeon C.* La Crise allemande de la pensée française. P., 1959.

² См.: *Histoire des universités en France*. P., 1986.

³ См.: *Carbonell C. O.* Histoire et historiens en France, une mutation ideologique des historiens français, 1865–1885. P., 1973.

⁴ *Charpentier-Morize M.* Perrin savant et homme politique. P., 1997.

⁵ *Charle C.* Le temps des hommes doubles // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 1992. Janv. – mars.

⁶ См. например.: *Mucchielli L.* La Découverte du social, naissance de la sociologie en France. P., 1998.